

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Д.И. Абрамович

Гоголь в русской критике:

Речь, читанная 21 февр.1902 г. на
литературно-музыкальном вечере студентов СПб.
Духовной Академии, посвященном памяти Гоголя

Опубликовано:

Христианское чтение. 1902. № 5. С. 657-674.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Гоголь въ русской критикѣ.

(РѢчь, читанная 21 ФЕВР. 1902 Г. НА ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОМЪ ВЕЧЕРѢ СТУДЕНТОВЪ СВ. ДУХОВН. АКАД., ПОСВЯЩЕННОМЪ ПАМЯТИ ГОГОЛЯ).

Мм. Гг.!

ПОЯВЛЕНИЕ Гоголя на литературномъ горизонтѣ было какъ нельзя болѣе своевременно — и въ этомъ отчасти секретъ его выдающагося успѣха.

Правда, Пушкинъ былъ еще живъ, но для многихъ уже «замерли звуки его гармонической лиры».

Еще за два года до смерти поэта тогдашній властитель литературныхъ думъ, Бѣлинскій, писалъ: „*Пушкинъ* царствовалъ десять лѣтъ: Борисъ Годуновъ былъ послѣднимъ великимъ его подвигомъ... Теперь мы не знаемъ *Пушкина*; онъ умеръ или можетъ быть только обмеръ на время. Можетъ быть, его уже нѣтъ, а можетъ быть онъ и воскреснетъ; этотъ вопросъ, это Гамлетовское *быть или не быть* скрывается во мглѣ будущаго... Гдѣ теперь эти звуки, въ коихъ слышалось бывало то удалое разгулье, то сердечная тоска, гдѣ эти вспышки пламеннаго и глубокаго чувства, потрясавшаго сердца, сжимавшаго и волновавшаго грудь, эти вспышки остроумія тонкаго и язвительнаго, этой ироніи вмѣстѣ злой и тоскливой, которая поражала умъ своею игрою, гдѣ теперь эти картины жизни и природы, передъ которыми была блѣдна жизнь и природа?.. Увы! вмѣсто ихъ мы читаемъ теперь стихи съ правильною цезурою, съ богатыми и полубогатыми рифмами, съ питическими вольностями, о коихъ такъ пространно, такъ удовлетворительно и такъ глубокомысленно

разсуждали Архимандритъ *Аполлосъ* и Г. *Остолоповъ*!.. *Странная вещь, непонятная вещь!*..“¹⁾

„Духъ времени“ измѣнился—и Пушкинъ былъ уже не въ силахъ отвѣчать на тѣ запросы, какіе выдвигало «вѣтреное племѣ».

«Какъ бы то ни было,—продолжаетъ Бѣлинскій,—но по своему возрѣнію Пушкинъ принадлежитъ къ той школѣ искусства, которой пора уже миновала въ Европѣ, и которая даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта. *Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе сдѣлались теперь жизнью всякой истинной поэзіи*». «Задача реальной поэзіи въ томъ-то и состоитъ, чтобы извлекать поэзію жизни изъ прозы жизни, и потрясать души вѣрнымъ изображеніемъ этой жизни...

Простота вымысла въ поэзіи реальной есть одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ признаковъ истинной поэзіи, истиннаго и притомъ зрѣлаго таланта...»²⁾

Время чистой поэзіи, — добавляетъ Тургеневъ, — прошло такъ же, какъ и время ложно-величавой фразы; наступило время *критики, полемики, сатиры*... «Горкиато Тассо» Кукольника, «Рука Всевышняго» — исчезли, какъ мыльные пузыри, но и «Мѣднымъ Всадникомъ» нельзя было любоваться въ одно время съ «Шинелью»... Сила независимой, критикующей, протестующей личности возстала противъ фальши, противъ пошлости—а на какой ступени общества тогда не царилъ пошлость? — противъ того ложно — общаго, неправоугодно — узаконеннаго, что не имѣло разумныхъ правъ на подчиненіе себѣ личности...»³⁾

Неоднократно заявляя, что «у насъ нѣтъ литературы», нѣтъ такого писателя, который бы внесъ въ литературу что-нибудь самобытное, оригинальное, исключительно-русское, — Бѣлинскій въ то же время предсказывалъ, что скоро и очень даже скоро долженъ появиться нашъ русскій писатель имѣющій создать эпоху въ литературѣ.

¹⁾ «Литературн. Мечтанія». Полн. собр. сочин. В. Г. Бѣлинскаго. Подъ ред. и съ примѣч. С. А. Венгерова. Т. I, 364.

²⁾ Ibid. II, 220. 219.

³⁾ «Литерат. Воспомин.» Полн. собр. соч. Тургенева, 3 изд. Спб. 1891, т. X.

По мѣрѣ развитія таланта Гоголя критикъ все больше и больше убѣждается, что надежды его не будутъ тщетны. Въ Гоголѣ онъ находитъ то, чего никакъ не могъ найти въ писателяхъ до него.

Не будемъ останавливаться на печальномъ инцидентѣ съ «Ганцомъ Кухельгартеномъ»: Гоголь сдѣлалъ все возможное, чтобы его идиллія канула въ рѣку забвенія — и даже близкіе друзья поэта ничего не подозрѣвали объ этомъ юношескомъ грѣхѣ.

«Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», появившіеся въ свѣтъ въ 1831—2 г., когда начинающему автору было не больше 22-хъ лѣтъ, — встрѣтили самый радушный пріемъ. Сейчасъ прочелъ «Вечера близъ Диканьки», — пишетъ Пушкинъ А. Ѳ. Воейкову (авг. 1831 г.). Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необходимо въ нашей литературѣ, что я доселѣ необразумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались «Вечера», то наборщики начали прыскать и фиркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были бы рады рассмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно-веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ».

При выходѣ въ свѣтъ второго изданія «Вечеровъ», въ 1836 г., тотъ же Пушкинъ вспоминаетъ на страницахъ «Современника» (т. I, 312 — 313) о впечатлѣніи, какое произвело на всѣхъ первое появленіе нашихъ рассказовъ: «Всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющего и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ малороссійской природы, этой веселости, простодушной и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы русской книгѣ, которая заставила насъ смѣяться, мы, не смѣявшіеся со временъ Фонвизина! Мы такъ были благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, безсвязность и неправдоподобность нѣкоторыхъ рассказовъ, предоставивъ сіи недостатки на поживу критики».

Не менѣе сочувственно отзывались и *Буларинъ* съ *Надеждинымъ*: первый — въ «*Съверной Пчелѣ*», а второй — въ «*Телескопѣ*».

«Въ предисловіи къ первой книжкѣ *Рудый Паньво* говорить: «лишь бы слушали да читали, а у меня, пожалуй — лѣнь только проклятая рыться — наберется и на десять такихъ книжекъ». Слушаемъ и читаемъ; такъ не лѣниться-жъ»: вотъ заключительныя строки критической статьи *Надеждина*.

Сбылись опасенія *Пушкина* насчетъ «остренькаго сидѣльца», *Полевого*, но эта критика — рядъ очевидѣйшихъ мелочей и самыхъ злостныхъ придирокъ: даже псевдонимъ *Гоголя* кажется *Полевому* чѣмъ-то подозрительнымъ — и онъ готовъ видѣть въ «*Рудомъ Панькѣ*» просто самозванца: «москаля», а не хохла, и при томъ «горожанина».

«*Арабески*» и «*Миргородъ*» (1835 г.) — доставили *Гоголю* новую славу.

Проф. Швыревъ (въ «*Московск. Наблюдат.*»), признавъ за *Гоголемъ* чудный даръ схватывать бессмыслицу жизни и «обращать ее въ неизъяснимую поэзію смѣха», совѣтуетъ автору развивать свой настоящій комическій талантъ, но при этомъ обратить «свой наблюдательный взоръ и мѣткую кисть свою на общество, насъ окружающее».

«До сихъ поръ, за этимъ смѣхомъ онъ водилъ насъ или въ *Миргородъ*, или въ лавку жестяныхъ дѣлъ мастера *Шиллера*, или въ сумасшедшій домъ. Мы охотно за нимъ слѣдовали всюду, потому что вездѣ и надъ всѣмъ пріятно посмѣяться... Но какъ бы хотѣлось, чтобы авторъ, который, кажется, какимъ то магнитомъ притягиваетъ къ себѣ все смѣшное, разсмѣшилъ насъ нами же самими; чтобы онъ открылъ эту бессмыслицу въ нашей собственной жизни, въ кругу такъ называемомъ образованномъ, въ нашей гостиной, среди модныхъ фраковъ и галстуховъ, подъ модными головными уборами»...

Отъ «*Тараса Бульбы*» критикъ прямо таки въ восторгѣ. Передавая вкратцѣ содержаніе повѣсти и дойдя до мѣста, гдѣ описывается казнь *Остапа*, — *Швыревъ* впадаетъ въ настоящій паеосъ:

«Это «слышу!» останется навсегда памятнымъ въ нашей литературѣ, и если бы г. *Гоголь* не изобрѣлъ ничего другого, кромѣ этого славнаго «слышу!», то однимъ этимъ могъ бы заставить молчать всякую злонамѣренность критики»...

Статья *Бѣлинскаго* «*О русской повѣсти и повѣстязѣ*»

Гоголя»¹⁾—представляетъ интересъ въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны, для изученія Гоголя, съ другой — для изученія самого критика.

«Поэзія Гоголя, — пишетъ Бѣлинскій, — въ своей простотѣ и мелкости — и сильна, и глубока... Отличительный характеръ повѣстей Гоголя составляютъ — простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія. Причина всѣхъ этихъ качествъ заключается въ одномъ источникѣ: Гоголь — поэтъ, поэтъ жизни дѣйствительной».

Останавливаясь на впечатлѣніи повѣстей Гоголя, которыя, рассказывая о будничныхъ событіяхъ и пошлыхъ въ сущности людяхъ, способны глубоко взволновать наше чувство, — критикъ продолжаетъ: «Вотъ оно, то божественное искусство, которое называется творчествомъ; вотъ онъ, тотъ художническій талантъ, для котораго гдѣ жизнь, тамъ и поэзія! И возьмите почти всѣ повѣсти Гоголя: какой отличительный характеръ ихъ? чтѣ такое почти каждая изъ его повѣстей? Смѣшная комедія, которая начинается глупостями, продолжается глупостями, а оканчивается слезами, и которая, наконецъ, называется жизнью. И таковы всѣ его повѣсти: сначала смѣшно, потомъ грустно! И такова жизнь наша: сначала смѣшно, потомъ грустно! Сколько тутъ поэзіи, сколько философіи, сколько истины!»...

Въ концѣ той же статьи Бѣлинскій дѣлаетъ такое вѣщее заключеніе: «Если я сказалъ, что Гоголь — поэтъ, я уже все сказалъ, я уже лишилъ себя права дѣлать ему судейскіе приговоры... Поэтъ — высокое и святое слово, въ немъ заключается неумирающая слава!.. Но Гоголь еще только началъ свое поприще; слѣдовательно, наше дѣло высказать свое мнѣніе о его дебютѣ и о надеждахъ въ будущемъ, которыя подаетъ этотъ дебютъ. Эти надежды велики, ибо Гоголь владѣетъ талантомъ необыкновеннымъ, сильнымъ и высокимъ. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время, онъ является главою поэтовъ, онъ становится на мѣсто, оставленное Пушкинымъ».

«Ревизоръ» — имѣлъ колоссальный успѣхъ, какъ на сценѣ, такъ и въ литературѣ, хотя и здѣсь и тамъ многимъ пришелся не по вкусу. Публика раздѣлилась на два враждебныхъ

¹⁾ Сочин. II, 186—236.

лагеря: одни горячо привѣтствовали комедію, радуясь ей, какъ смѣлому, хотя и прикрытому, нападенію на разнообразныя злоупотребленія въ общественной жизни; а другіе — увидали здѣсь «безобразную карикатуру на администрацію всей Россіи, которая охраняетъ общественный порядокъ, трудится для пользы отечества, и вдругъ какой-то коллежскій регистраторишка дерзаетъ осмѣивать не только низшій классъ чиновниковъ, но даже самихъ губернаторовъ»...

Припомнимъ «*Театральный Развѣздъ*», гдѣ Гоголь пытается собрать въ одно всѣ замѣчанія, высказанныя по поводу его комедіи, и дать на нихъ свой отвѣтъ.

«Нѣтъ, это не осмѣяніе пороковъ; это отвратительная насмѣшка надъ Россією... Все это нѣкоторымъ образомъ есть уже оскорбленіе, которое болѣе или менѣе распространяется на всѣхъ... Теперь, напримѣръ, выведутъ какого-нибудь титулярнаго совѣтника, а потомъ... Э... пожалуй выведутъ... и дѣйствительнаго статскаго совѣтника...»

Для этого человѣка нѣтъ ничего священнаго; сегодня онъ скажетъ: такой-то совѣтникъ не хорошъ, а завтра скажетъ, что и Бога нѣтъ. Вѣдь тутъ всего только одинъ шагъ... «Со смѣхомъ шутить нельзя. Это значить разрушить всякое уваженіе—вотъ что это значить. Да вѣдь меня послѣ всего этого всякій прибѣдетъ на улицѣ, скажетъ: «Да вѣдь надъ вами смѣются; а на тебѣ такой же чинъ, такъ вотъ тебѣ затрещина!» Вѣдь это вотъ что значить».

«Еще бы! Это сурьезная вещь! Говорятъ: «бездѣлушка, пустяки, театральное представленіе». Нѣтъ, это не простыя бездѣлушки; на это обратить нужно строгое вниманіе. За такія вещи и въ Сибирь посылаютъ. Да если бы я имѣлъ власть, у меня бы авторъ не пикнулъ. Я бы его въ такое мѣсто засадилъ, что онъ бы и свѣта Божьяго не взвидѣлъ»... «Кричатъ: «литераторъ! литераторъ! писатель!» Да что такое писатель? Что иной разъ попадетъ остроумное словцо, да слышетъ кое-что съ природы... Да что же здѣсь за трудъ? Что-жь тутъ такого? Вѣдь это все побасенки—и больше ничего... Вы сами знаете, что такое литераторъ: пустѣйшій человѣкъ! Это всему свѣту извѣстно—ни на какое дѣло не годится. Ужъ ихъ пробовали употреблять, да бросили. Ну, посудите сами, ну, что такое они пишутъ? Вѣдь это все пустяки, побасенки! Захоти, я сей же часъ это напишу, и вы напишете, и онъ напишетъ, и всякій напишетъ».

«Да, конечно, почему жъ и не написать. Будь только капля ума въ головѣ, такъ ужъ и можно». Да и ума не нужно. Зачѣмъ тутъ умъ? Вѣдь это все побасенки. Ну, если бы еще была положимъ, какая-нибудь ученая наука, какой-нибудь предметъ, котораго еще не знаешь, а вѣдь это что такое? Вѣдь это всякій мужикъ знаетъ. Это всякій день увидишь на улицѣ. Садись только у окна, да записывай все, что ни дѣлается—вотъ и вся штука!» «Это правда. Какъ подумаешь, право, на какой вздоръ употребляютъ время!»... «Я бы все запретилъ,—заключаетъ чиновникъ важной наружности. Ничего не нужно печатать. Просвѣщеньемъ пользуйся, читай, а не пиши. Книгъ ужъ довольно написано, больше не нужно»...

Подобные толки слышатся и среди людей литературнаго міра: изъ устъ *Булгарина* («Сѣверн. Пчела» 1836 г., №№ 97—98), *Сенковского* («Библиот. для чтенія», 1836, XVI) и *Полевого* («Русск. Вѣстн.», 1842, V). «*Ревизоръ*» — не комедія, а фарсъ; у Гоголя, несомнѣнно, есть талантъ, но его захвалили—(друзья съ пріятелями) и онъ испортился.

«Что въ этой піесѣ? Во-первыхъ, завязки никакой, дѣйствія тоже нѣтъ, соображенія рѣшительно никакого; все невѣроятности и при томъ все каррикатуры». «Глупый фарсъ, подержанный пріятелями. Признаюсь, на многое даже отвратительно было смотрѣть»... «Отвратительная піеса, грязная, грязная піеса»... «Нѣтъ ни одного лица истиннаго, все—каррикатуры! Въ натурѣ нѣтъ этого; повѣрьте мнѣ, нѣтъ, я лучше это знаю: я самъ литераторъ. Говорятъ: живость, наблюденіе... да вѣдь это все вздоръ, это все пріятели, пріятели хвалятъ, все пріятели! Я ужъ слышалъ, что его чуть не въ Фонвизины суютъ, а піеса, просто, недостойна даже быть названа комедіею. Фарсъ, фарсъ, да и фарсъ самый неудачный. Последняя пустѣйшая комедійка Коцебу въ сравненіи съ нею.—Монбланъ передъ Пулковскою горою... Просто, друзья и пріятели захвалили его не въ мѣру, такъ вотъ онъ ужъ теперь, чай, думаетъ о себѣ, что онъ чуть-чуть не Шекспиръ. У насъ всегда пріятели захвалятъ. Вотъ, напримѣръ, и Пушкинъ. Отчего вся Россія теперь говорить о немъ? Все пріятели: кричали, кричали, а потомъ вслѣдъ за ними и вся Россія стала кричать»... ¹⁾.

¹⁾ Соч. Н. В. Гоголя. Изд. X, т. II, 482—516.

Однако, все было напрасно. «Ревизоръ», — какъ выражается критикъ «Молвы» (XI, 251—2), сталъ, встряхнулся и разбрелся по всѣмъ закоулкамъ Русской земли. Экземпляры комедіи — «перечитаны, зачитаны, выучены, превратились въ пословицы и пошли гулять по людямъ, обернулись эпиграммами и начали клеймить тѣхъ, къ кому придутся. Имена дѣйствующихъ лицъ «Ревизора» обратились на другой день въ собственные названія: Хлестаковы, Анны Андреевны, Марьи Антоновны, городничіе, Земляники, Тяпкины-Ляпкины пошли подъ руку съ Фамусовымъ, Молчаливымъ, Чацкимъ, Простаковыми. И все это такъ скоро, еще до представленія сдѣлалось. Посмотрите — они, эти господа и госпожи, гуляютъ по Тверскому бульвару, въ паркѣ, по городу и вездѣ, вездѣ, гдѣ есть десятокъ народу, между ними навѣрно одинъ выходитъ изъ комедіи Гоголя... Отчего жъ это? Кто вдвинулъ это созданіе въ жизнь дѣйствительную? Кто такъ сроднилъ его съ нами? Кто подтвердилъ эти прозванія, эти фразы, эти обороты смѣшные и неловкіе? Кто? Это сдѣлали два великіе, два первые дѣятеля: *талантъ автора и современность произведенія*...

«Мертвыя Души» (первый томъ) до появленія въ свѣтъ прошли длинный рядъ цензурныхъ мытарствъ.

Цензоры — *азіатцы*, какъ называетъ ихъ Гоголь, въ родѣ Голохвастова, возражали противъ заглавія поэмы: «душа бываетъ бессмертна; мертвой души не можетъ быть; авторъ вооружается противъ бессмертія»; цензоры — *европейцы*, молодые люди, возвратившіеся изъ-за границы, негодовали на другое: «цѣна, которую даетъ Чичиковъ за душу, два съ полтиною, возмущаетъ душу. Человѣческое чувство вопіетъ противъ этого, хотя, конечно, эта цѣна дается только за одно имя, написанное на бумагѣ, но все же это имя душа, душа человѣческая; она жила, существовала. Этого ни во Франціи, ни въ Англіи и нигдѣ нельзя позволить. Да послѣ этого ни одинъ иностранецъ къ намъ не пріѣдетъ»¹⁾.

По свидѣтельству Анненкова, никогда, можетъ быть, не употребилъ Гоголь въ дѣло такого количества житейской опытности, сердцевѣднія, заискивающей ласки и притворнаго гнѣва, какъ въ 1842 году, когда приступилъ къ печатанію «Мертв. Душъ».

¹⁾ Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока, т. II, 136—8.

Появленіе поэмы въ печати было встрѣчено разнo: литературные старовѣры видятъ въ этомъ новомъ твореніи нѣчто такое, хуже чего не писывалось ни на одномъ языкѣ человѣческомъ; друзья Гоголя—готовы думать, что только Гомеръ да Шекспиръ являются, въ своихъ произведеніяхъ, столь великими, какъ Гоголь въ «Мертв. Душ.».

Бранять новую поэму наши старыя знакомыя: *Сенковскій* ⁷⁾, *Полевой* ⁸⁾, *Гречъ* ⁹⁾.

«Когда мы,—заключаетъ критикъ «Русск. В.»,—прочли «Мертв. Д.», намъ казалось, что мы вышли на свѣжій воздухъ изъ какой-то неопрятной гостинницы, гдѣ по-неволѣ долженъ проѣзжіи пробыть нѣсколько часовъ»...

На защиту Гоголя выступаютъ: *Плетневъ* ¹⁰⁾, *Шевыревъ* ¹¹⁾, *К. Аксаковъ* ¹²⁾, *Мизко* ¹³⁾ и, наконецъ, *Бѣлинскій* ¹⁴⁾, который, какъ мы уже знаемъ, первый указалъ на нашего поэта, какъ на восходящую литературную звѣзду. «Среди торжества мелочности, посредственности, ничтожества, бездарности, среди пустоцвѣтовъ и дождевыхъ пузырей литературныхъ, среди ребяческихъ затѣй, дѣтскихъ мыслей, ложныхъ чувствъ, фарисейскаго патріотизма, приторной народности,—вдругъ, словно освѣжительный блескъ молніи среди томительной и тлетворной духоты и засухи, является твореніе чисто-русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патріотическое, безпощадно едгергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовью къ плодовитому зерну русской жизни, твореніе необъятно-художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта,—и въ то же время глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое...

Въ «М. Д.» авторъ сдѣлалъ такой великій шагъ, что все, доселѣ имъ написанное, кажется слабымъ и блѣднымъ въ сравненіи съ ними... Твореніе, которое возбудило столько толковъ

7) „Библиот. для чтен.“ 1842, LIII—LIV.

8) «Русск. Вѣстн.» 1842, VI.

9) «Сѣверн. Пч.» 1842, № 187.

10) «Современ.» 1842, XXVII и XXVIII.

11) «Москвитян.» 1842, №№ 3, 7, 8, 11; 1843, №№ 7, 8.

12) «Нѣсколько словъ о поэмѣ Г. «Похожд. Чич.» или «М. Д.» 1842. М.

13) «Отеч. Зап.» 1843, XXVII.

14) «Отеч. Зап.» 1842, № 7 и 8.

и споровъ, раздѣлило на котеріе и литераторовъ и публику, пріобрѣло себѣ и жаркихъ поклонниковъ и ожесточенныхъ враговъ; на долгое время сдѣлалось предметомъ сужденій и споровъ общества, твореніе, которое прочтено и перечтено не только тѣми людьми, которые читаютъ всякую новую книгу или всякое новое произведеніе, сколько-нибудь возбуждившее общее вниманіе, но и такими лицами, у которыхъ нѣтъ ни времени, ни охоты читать стихи и сказочки... твореніе, которое, въ числѣ почти 3000 экземпляровъ, все разошлось въ какіе-нибудь полгода, — такое твореніе не можетъ не быть неизмѣримо выше всего, что въ состояніи представить современная литература, не можетъ не произвести важнаго вліянія на литературу».

Какъ же, однако, самъ Гоголь относится къ своей литературной дѣятельности и тѣмъ лаврамъ, какіе выпали здѣсь на его долю?

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что, открывая собою *новую эпоху* въ исторіи нашей литературы, виновникъ ея былъ человекъ *старыхъ литературныхъ традицій*, — традицій, царившихъ въ кружкахъ Пушкина и Жуковского, гдѣ такъ или иначе онъ всю жизнь вращался. Сюда, какъ извѣстно, по наслѣдству отъ Арзамаса, перешелъ взглядъ на литературу, какъ на отвлеченное художество, взглядъ, приводившій въ концѣ концовъ къ полному удаленію литературы отъ какихъ бы то ни было вопросовъ жизни дѣйствительной.

Пушкинъ, при всемъ своемъ искреннемъ желаніи быть «полезнымъ народу», свысока игнорируетъ «чернь», которая вздумала было требовать отъ поэзіи нѣкотораго участія къ своимъ интересамъ и заботамъ: мы — поэты рождены

«Не для житейскаго волненья,
 Не для корысти, не для битвъ,—
 Мы рождены для вдохновенья,
 Для звуковъ сладкихъ и молитвъ».

Съ понятіемъ о поэзіи, удаляющейся отъ «черни», былъ тѣсно связанъ и самый узко-консервативный взглядъ по разнымъ вопросамъ современной политико-общественной жизни.

Кружокъ увлекался славой Россіи, вѣрилъ въ ея будущее величіе, не имѣлъ никакихъ сомнѣній относительно настоящаго, а тѣ дефекты, которыхъ никакъ уже нельзя было не видѣть, объяснялъ недостаткомъ въ людяхъ добродѣтели, неисполненіемъ благихъ законовъ¹⁵⁾.

Здѣсь можно было получить не мало хорошаго для развитія *формальной* стороны своего таланта, но для выработки глубокихъ и стройныхъ воззрѣній на жизнь это общество не давало соответствующей пищи (*Чернышевскій*).

Создавая «Ревизора», а затѣмъ и «Мертвыя Души», Гоголь далекъ отъ мысли, что произведеніе его пера — «не одно доставленіе пріятнаго занятія уму и вкусу», а — благороднѣйшій *протестъ* противъ разныхъ общественныхъ золъ эпохи.

Гоголю, видимо, и въ голову не приходило, что, издѣваясь надъ пошлостью жизни, онъ смѣется надъ тѣмъ общественнымъ строемъ, который порождаетъ эту пошлость. «Онъ, — продолжаетъ *Скабичевскій*, — воображалъ въ своей средне-вѣковой наивности, что общественный бытъ въ томъ видѣ, въ какомъ существовалъ при немъ, есть нѣчто такое-же неизбежное, утвержденное съ испоконъ-вѣковъ, какъ перемѣны времени года, и что допущеніе малѣйшаго серьезнаго измѣненія въ немъ — есть нѣчто въ родѣ святотатства»...¹⁶⁾.

Тотъ эффектъ, какой получился отъ «Ревизора» и «Мертв. Душъ», былъ для Гоголя *сплошной неожиданностью* — и онъ, увидавъ, что его толкуютъ не такъ, какъ онъ самъ себя разумѣетъ, спѣшитъ загладить свою вину: «искупить бесполезность всего, доселѣ напечатаннаго»¹⁷⁾.

Житейская пошлость, съ которой онъ такъ энергично и славно боролся на страницахъ «Ревизора» и «Мертв. Душъ», — въ концѣ концовъ ужаснула его и заставила призадуматься надъ самымъ смысломъ подобнаго творчества. «Зачѣмъ же изображать бѣдность, да бѣдность, да несовершенства нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства»?..

Начинаются мечты о такомъ твореніи, гдѣ «почуются инья, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божескими

¹⁵⁾ Пыцинъ. Характер. литер. мн. (Спб. 1890). 359—362.

¹⁶⁾ Сочин. Т. I, 720.

¹⁷⁾ Сочин. IV, 3.

доблестями, или чудная русская дѣвица... И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ словомъ!»¹⁸⁾

По убѣжденію кн. Вяземскаго, въ данномъ случаѣ литературнаго единомышленника Гоголя, на послѣднемъ лежала обязанность не двусмысленно, не сомнительно, а гласно разорвать съ частью своего прошлаго, т. е. не столько своего собственнаго прошедшаго, сколько того, которое ему придали съ одной стороны безусловные и чрезмѣрные поклонники, а съ другой — многочисленные и неудачные подражатели. Его хотѣли поставить главою какой-то новой литературной школы, олицетворить въ немъ какое-то черное литературное знамя. На его душу и отвѣтственность обращались всѣ грѣхи, коими ознаменовались послѣдніе годы нашего литературнаго паденія. Какъ тутъ было не одуматься, не оглядѣться? Всѣ эти лекторы и глашатаи, которые шли около него и за нимъ со своими хвалебными восклицаніями и праздничными факелами, именно и озарили въ глазахъ его опасность и ложность избраннаго имъ пути. Съ благородною рѣшимостью и откровенностью онъ тутъ же круто своротилъ съ торжественнаго пути своего и спиною обратился къ своимъ поклонникамъ¹⁹⁾.

Въ результатѣ — злосчастная «Переписка» съ друзьями и не менѣе злосчастный *второй томъ* «Мертв. Душъ».

«Ни одна книга, въ послѣднее время, не возбуждала такого шумнаго движенія въ литературѣ и обществѣ, ни одна не послужила поводомъ къ столь многочисленнымъ и разнообразнымъ толкамъ, какъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», — читаемъ въ «Финскомъ Вѣстникѣ» спустя полтора мѣсяца по выходѣ въ свѣтъ книги. Въ успѣхъ новаго произведенія Гоголь былъ настолько увѣренъ, что заранѣе велѣлъ заготовить бумагу для втораго изданія. Дѣйствительно, эффектъ получился полный, но вовсе не съ той стороны, съ какой ждалъ его авторъ.

По замѣчанію проф. Кирпичникова²⁰⁾, можно смѣло сказать, что изъ лицъ, прикосновенныхъ къ русской литературѣ и познакомившихся съ «Выбранными Мѣстами», болѣе 90 процентовъ оказалось противъ него.

¹⁸⁾ Сочин. III, 223.

¹⁹⁾ Сочин., т. II: «Гоголь и Языковъ».

²⁰⁾ «Подъ знаменемъ науки». Юбил. сборн. въ честь Н. И. Стороженка. М. 1902, 419.

Мало того: оказалось, что самые горячіе и искренніе поклонники автора «Ревизора» и «Мертв. Душъ» и личные друзья его почти вынуждены были напасть на автора новой книги, такъ какъ защитниками ея являлись люди изъ враждебнаго лагеря.

«Хвалители и ругатели Гоголя, — пишетъ Аксаковъ — отецъ сыну въ Калугу, — перемѣнились мѣстами: всѣ мистики, всѣ ханжи, всѣ примиряющіеся съ подлою жизнію своею возгласами о христіанскомъ смиреніи, весь скотный дворъ Глипки, а особенно женская свита К. В. Новосильцевой утопаютъ въ слезахъ и восхищеніи. Я думалъ, что вся Россія дастъ ему публичную оплеуху, и потому не для чего намъ присоединять рукъ своихъ къ этой пощечинѣ; но теперь вижу, что хвалителей будетъ очень много, и Гоголь можетъ утвердиться въ своемъ сумасшедствіи. Книга его можетъ быть вредна многимъ» ²¹⁾).

Митр. Филаретъ, радуясь «христіанскому направленію» автора «Переписки», соглашался, что Гоголь «во многомъ заблуждается» ²²⁾.

Инокентій Херсонскій просилъ Гоголя, черезъ Погодина, не «парадировать набожностію», которая любитъ внутреннюю клѣтву, а въ противномъ случаѣ — плода не будетъ ²³⁾.

Архим. Игнатій Брянчанинъ находилъ въ нашей книгѣ «смѣшеніе свѣта со тьмою» ²⁴⁾, а преосв. Григорій, епископъ Калужскій, когда въ его присутствіи зашла рѣчь о Гоголѣ, какъ богословѣ, — съ горечью замѣтилъ: «Э, полноте — какой онъ богословъ, онъ просто сбившійся съ истиннаго пути пустословъ» ²⁵⁾.

При особомъ мнѣніи, совершенно неожиданномъ для Гоголя, остался и о. Матвѣй изъ Ржева: на его взглядъ, «Переписка» должна произвести вообще вредное дѣйствіе, и Гоголь дастъ за нее отвѣтъ Богу; не лучше ли ему совсѣмъ бросить литературу и идти въ монастырь... ²⁶⁾.

Но самымъ сильнымъ и чувствительнымъ ударомъ, какой получилъ Гоголь за свою «Переписку», — «эту едва ли не

²¹⁾ «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», 168.

²²⁾ Ibid., 407—409.

²³⁾ Барсуковъ. Живанъ и труды М. П. Погодина. VIII, 562.

²⁴⁾ Письма Гоголя: III, 454.

²⁵⁾ Барсуковъ. Ор. с. 563.

²⁶⁾ Письма Гоголя: III, 458—464.

самую странную и не самую поучительную книгу, какая когда-либо появлялась на русском языкѣ», — было письмо *Вѣлинскаго изъ Замлибрунна* ²⁷⁾.

Послѣднее не даромъ считаютъ не только однимъ изъ самыхъ яркихъ эпизодовъ въ жизни критика, но и замѣтнымъ историческимъ фактомъ для всего русскаго общества. Первый критикъ своего времени возстаетъ противъ своего любимѣйшаго писателя, любимѣйшаго какъ «надежда, честь, слава своей страны», какъ «одинъ изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія и прогресса».

До сихъ поръ, — продолжаетъ одинъ изъ историковъ нашей критики, — ни въ одной литературѣ нѣтъ примѣра, гдѣ бы человекъ и гражданинъ слились въ такомъ подавляющемъ наосѣ идеи и страсти, гдѣ бы отдѣльная личность съ такой глубиной и мукой пережила общую утрату, какъ свое кровное лишеніе ²⁸⁾. Критикъ и теперь продолжаетъ называть Гоголя «великимъ писателемъ», «геніальнымъ человекомъ», но тѣмъ сильнѣе его гнѣвъ на «позорныя строки».

«Я не въ состояніи дать вамъ ни малѣйшаго понятія о томъ негодованіи, которое возбудила ваша книга во всѣхъ благородныхъ сердцахъ... Я читалъ и перечитывалъ ее сто разъ, и все-таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней есть; а то, что въ ней есть, глубоко возмутило и оскорбило душу... И вотъ мое послѣднее слово: если вы имѣли несчастье съ гордымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно-великихъ произведеній, то теперь вы должны съ искреннимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги и тяжелый грѣхъ ея изданія искупить новыми твореніями, которыя напомнили бы ваши прежнія».

«Ты рѣшительно не появляй этой книги, если видишь въ ней только заблужденіе, — пишетъ Вѣлинскій Боткину. Гоголь — совсѣмъ не К. С. Аксаковъ. Это — Талейранъ, кардиналъ Фешъ, который всю жизнь обманывалъ Бога, а при смерти надулъ сатану»... ²⁹⁾.

Впрочемъ, — еще раньше утѣшалъ себя критикъ (въ «Современникѣ»), — какая намъ нужда, что онъ (Гоголь) не признаетъ достоинства своихъ сочиненій, если ихъ признало

²⁷⁾ Варсуковъ, ib. 596—607.

²⁸⁾ Ив. Ивановъ. Ист. р. крит. Ч. III и IV, 209.

²⁹⁾ Пыпинъ. Вѣлинскій, его жизнь и переписка. II, 277—8.

общество? Это — факты, дѣйствительности которыхъ не въ состояніи опровергнуть и онъ самъ. Нѣтъ, господа противники таланта Гоголя, раненко вы вѣдумали торжествовать побѣду, которой не держали и которой не одержать вамъ! Именно теперь-то, еще болѣе, чѣмъ прежде, будутъ расходиться и читаться сочиненія Гоголя, теперь-то еще выше, чѣмъ прежде, будетъ цѣниться онъ, потому что теперь онъ самъ существуетъ для публики болѣе въ прошедшемъ.

Что касается второго тома «Мертвыхъ Душъ», то онъ, по мѣткому выраженію Анненкова, былъ той подвижнической кельей, въ которой Гоголь бился и страдалъ до тѣхъ поръ, пока вынесли его бездыханнымъ изъ нея.

21 февраля 1852 г. Гоголя не стало.

«Гоголь умеръ! писалъ Тургеневъ (въ «Московск. Вѣдом.» 13 марта). Какую русскую душу не потрясутъ эти два слова? Онъ умеръ... Потеря наша такъ жестока, такъ внезапна, что намъ все еще не хочется ей вѣрить. Въ то самое время, когда мы всѣ могли надѣяться, что онъ нарушитъ наконецъ свое долгое молчаніе, что онъ обрадуетъ, превзойдетъ наши нетерпѣливыя ожиданія, пришла эта роковая вѣсть! Да, онъ умеръ, этотъ человѣкъ, котораго мы имѣемъ право, горькое право, данное намъ смертию, — называть великимъ; человѣкъ, который своимъ именемъ означитъ эпоху въ исторіи нашей литературы, человѣкъ, которымъ мы гордились, какъ одною изъ изъ славъ нашихъ!

Онъ умеръ, пораженный въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, въ разгарѣ силъ своихъ, не окончивъ начатаго дѣла, подобно благороднѣйшимъ изъ его предшественниковъ... Едва ли нужно говорить о тѣхъ не многихъ людяхъ, которымъ слова наши покажутся преувеличенными или даже неумѣстными...

Смерть имѣетъ очищающую и примиряющую силу; клевета и зависть, вражда и недоразумѣніе — все смолкаетъ передъ самою даже обыкновенною могилою: они не заговарятъ и надъ могилою Гоголя»...

Судьба этой совсѣмъ невинной замѣтки въ высшей степени характерна: по настоянію предсѣдателя цензурнаго комитета и попечителя учебнаго округа, гр. Мусина-Пушкина, запретившаго въ послѣдствіи совсѣмъ называть имя Гоголя въ

печати, — Тургеневъ былъ посаженъ на «сѣзжую», а затѣмъ высланъ изъ Петербурга ³⁰⁾.

Не говорить ли этотъ удивительный фактъ, что повѣя Гоголя имѣла не только художественное, но и *глубоко-общественное* значеніе: «приверженцы застоя почувствовали и воненавидѣли въ Гоголѣ новое общественное начало, враждебное лицемѣрью и призывавшее къ общественной правдѣ» ³¹⁾.

Литературная судьба Гоголя знаменательна въ томъ отношеніи, что онъ съ первыхъ же своихъ шаговъ былъ *признанъ талантомъ*, не только достойнымъ, но даже опаснымъ *соперникомъ самого Пушкина*.

Первымъ и въ то же время самымъ проникательнымъ истолкователемъ его былъ *Бѣлинскій*, имя котораго, по прекрасному выраженію Аполлона Григорьева, какъ плющъ обросло поэтической вѣнецъ великаго юмориста. Прочіо установивъ первенствующее значеніе Гоголя въ исторіи родной литературы, не только художественное, но и общественное, — Бѣлинскій раньше всѣхъ подчеркнул и замѣтную границу между *Гоголемъ — художникомъ и Гоголемъ — мыслителемъ*.

«Горе человѣку, котораго сама природа создала художникомъ, горе ему, если недовольный своею дорогою, онъ ринется въ чуждый ему путь! На этомъ новомъ пути ожидаетъ его неминуемое паденіе, послѣ котораго не всегда бываетъ возможно возвращеніе на прежнюю дорогу»...

Отстаивать Гоголевское направленіе въ нашей литературѣ, какъ иѣчто глубоко-жизненное и безусловно необходимое для дальнѣйшаго успѣшнаго развитія русскаго общественнаго сознанія, — честь эта выпала на долю *Чернышевскаго* ³²⁾

По крайнему разумѣнію критика, Гоголь — безъ всякаго сравненія величайшій изъ русскихъ писателей, по значенію. Онъ имѣлъ и имѣетъ полное право сказать о себѣ то, безмѣрная гордость чего въ свое время смутила самыхъ жаркихъ его поклонниковъ: «Русь, чего ты хочешь отъ меня?

³⁰⁾ «Русск. Стар.» 1873, VIII, 940—953; Сябичевскій. Очерки ист. р. ценз., 287—289.

³¹⁾ Пыпинъ. Ист. р. лит. IV, 579.

³²⁾ «Очерки Гоголевск. періода русск. литер.» Спб. 1892; «Критич. Статьи». Спб. 1893, 120—169.

Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?»..

За Гоголемъ остается та заслуга, что онъ первый даль русской литературѣ рѣшительное стремленіе къ содержанію, и притомъ стремленіе въ столь плодотворномъ направленіи, какъ критическое. Прибавимъ, что Гоголю обязана наша литература и самостоятельностью; только его творенія своею высокою оригинальностью подняли нашихъ даровитыхъ писателей на ту высоту, гдѣ начинается самобытность. Но мало того, Гоголь пробудилъ въ насъ сознаніе о насъ самихъ—вотъ его истинная заслуга, важность которой не зависитъ отъ того, первымъ или десятымъ изъ нашихъ великихъ писателей должны мы считать его въ хронологическомъ порядкѣ. Вся наша литература, насколько она образовалась подъ влияніемъ не чужеземныхъ писателей, примыкаетъ къ Гоголю.

Если Пушкинъ—отецъ русской поэзіи, то Гоголь—отецъ русской прозаической литературы, давшій прозѣ рѣшительный перевѣсъ надъ поэзіею; въ этомъ онъ не имѣлъ ни предшественниковъ, ни помощниковъ, и ему одному наша проза обязана своими успѣхами. Въ теоретическомъ отношеніи обѣ формы имѣютъ свои преимущества, но съ исторической точки зрѣнія тѣ періоды, когда господствовала форма поэтическая, далеко уступаютъ въ значеніи для искусства и жизни послѣднему, Гоголевскому періоду, когда начала господствовать проза.

Произведенія послѣднихъ лѣтъ жизни Гоголя критикъ объясняетъ нѣкоторой безсознательностью, точнѣе—безотчетностью всего литературнаго творчества нашего поэта.

Во всякомъ случаѣ, у Гоголя, въ послѣднемъ періодѣ его жизни, не было никакой «измѣны убѣжденіямъ»; исторія его мнѣній была пѣльная исторія, однородная съ начала и до конца; хотя въ разное время рельефнѣе выдавались то тѣ, то другія качества ума и таланта, но сущность его убѣжденій всегда была одна и та же.

Добролюбовъ, разсматривавшій исторію нашей литературы съ точки зрѣнія развитія въ ней идеи народности, отнесся къ Гоголю нѣсколько умѣреннѣе,—но и онъ согласенъ, что художническая дѣятельность поэта оставила глубокіе слѣды въ литературѣ, и отъ принятаго ею направленія можно ожидать много хорошаго, потому что нынѣшніе дѣятели начи-

может стыдиться своего отчужденія отъ народа и своей отсталости во всѣхъ современныхъ вопросахъ³³⁾.

Даже *Аполлонъ Григорьевъ*, для котораго Пушкинъ былъ «*выше все*», и тотъ готовъ поставить Гоголя во главу угла новаго литературнаго зданія.

Геніемъ литературной эпохи, которую переживаемъ мы до сихъ поръ (это говорится въ 1852 г.), по всей справедливости можетъ быть названъ Гоголь. Все, что есть дѣйствительно живого въ явленіяхъ современной изящной словесности, идетъ отъ него, поясняетъ его, или даже поясняется имъ. Цѣльная, полная художественная натура Гоголя, такъ сказать, развѣтвляется въ различныхъ сторонахъ современной словесности³⁴⁾.

Одѣнка, намѣченная Бѣлинскимъ и дополненная Чернышевскимъ, остается въ силѣ и до настоящаго времени.

Съ именемъ Гоголя неразрывно связанъ вопросъ о родоначальникѣ новѣйшей русской литературы: всѣ мы, такъ сказать, воспитались на терминѣ «Гоголевскій періодъ»,—и это, дѣйствительно, до сихъ поръ «обязательное клише общихъ историческихъ соображеній».

Не будемъ спорить съ Гончаровымъ, что въ Пушкинѣ кроются всѣ сѣмена и задатки, изъ которыхъ родились потомъ всѣ роды и виды искусства во всѣхъ нашихъ художникахъ,—но за то *ни у кого «не найдете больше правды въ образахъ»*, чѣмъ у Гоголя.

Нельзя не согласиться съ Чернышевскимъ, что великаго ума и высокой природы человекъ былъ тотъ, кто *первый* показалъ намъ себѣ въ настоящемъ видѣ, кто *первый* научилъ насъ знать наши недостатки и гнушаться ими. «И что бы напослѣдокъ ни сдѣлала изъ этого человека жизнь, не онъ былъ виноватъ въ томъ. И если чѣмъ смутилъ насъ онъ, все это миновалось, а бессмертны остаются заслуги его».

Каково бы ни было,—закончимъ словами Тургенева, —го окончательное мѣсто, которое оставить за Гоголемъ исторія, мы увѣрены, что никто не откажется повторить теперь же вслѣдъ за нами: «Миръ его праху, вѣчная память его жизни, вѣчная слава его имени!»

Д. Абрамовичъ.

³³⁾ Сочин. Н. А. Добролюбова. Изд. VI. Т. I, 515.

³⁴⁾ Сочин. Ап. Григорьева. Т. I, 8.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки